

Духовное рождение

Крещение Руси в Православие ознаменовало пробуждение русского духа, было первым актом самосознания народа. В духовном выборе вполне оформился русский народ, объединивший племена восточных славян. **Национальный генотип** (природные черты характера, данные от рождения) избрал родственный себе **культурный религиозный архетип**. Очевидно, некоторые религиозные представления язычников-славян были близки или, во всяком случае, бытийно не противостояли основным христианским истинам: тенденция единобожия в представлениях о главном боге (*«Они (славяне и анты) считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми»* — Прокопий Кесарийский), многочисленные символы падения в грех — грехопадения, прообраз искупительной жертвы и даже воскресения — жертвоприношение божества, которое затем оживало.

Крещение Руси исторически продемонстрировало **чудо христианского преображения** человека и народа православной верой. Язычество культивировало в человеке природные силы и страсти, — в жизни добивается успеха и побеждает тот, кто более раскрепостит в себе именно природные стихии. В этом смысле князь Владимир был типичным язычником. Есть сведения, что Владимир по скандинавским и славянским традициям приносил человеческие жертвоприношения, убивая захваченных пленников. Захватив перешедший на сторону Киева Полоцк, князь Владимир перебил семью правителя города князя Рогволода. Княжна Рогнеда отказала Владимиру на сватовство ибо считала недопустимым выйти замуж за сына наложницы, коим был Владимир. Её слова *«не хочу розути робичича»* (*«не хочу разувать раба»*) согласно славянскому обычаю разувания супруга сильно унизили Владимира. В результате он убил отца и двух братьев, затем насильно взял её в жёны. В Родне Владимир заманил Ярополка на переговоры, где два варяга *«подняли его мечами*

под пазухи». Беременную жену Ярополка Владимир взял в наложницы. Повесть временных лет передаёт образ жизни Владимира до крещения: был *«был великим распутником... Был же Владимир побеждён похотью, и были у него жены [...], а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц»*. Владимир сделал наложницей вдову своего брата Ярополка, греческую монахиню, похищенную Святославом во время одного из походов. Кроме этого он состоял в нескольких официальных языческих браках, помимо Рогнеды с «чехиней» и «болгарыней». После крещения князь освободил от супружеских обязанностей всех бывших языческих жён. Рогнеде он предложил выбрать мужа, но она отказалась и приняла монашеский постриг.

Став князем киевским Владимир для противостояния распространявшейся в Киевской Руси христианской веры предпринял реформы языческого культа: воздвиг в Киеве капище с идолами шести главных богов славянского язычества (Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши, без Велеса). Во время гонений в Киеве погибли одни из первых христианских мучеников на Руси — варяги Фёдор и Иоанн. Но «смотреть» языческих богов не удовлетворил князя Владимира, и *«пятибожие киевского княжеского пантеона»* (Б. А. Рыбаков) прижилось ненадолго. Вместе с тем, духовный выбор русского князя пробивался через языческую стихию и проявлялся в рецидивах языческой природной мощи. Согласно летописи, в 987 году Владимир на совете бояр принял решение о крещении «по закону греческому». В следующем 988 году он захватил Корсунь (Херсонес в Крыму) и потребовал в жёны сестру византийских императоров Василия II и Константина VIII Анну, угрожая в противном случае пойти на Константинополь. Императоры согласились, потребовав в свою очередь крещения князя, чтобы сестра вышла за единоверца. Получив согласие Владимира, византийцы

прислали в Корсунь Анну со священниками. Владимир вместе со своей дружиной прошёл обряд крещения, после чего совершил церемонию бракосочетания и вернулся в Киев, где сразу же повелел опрокинуть языческие идола.

Закономерно, что в былинах князь известен под именем Владимира Красно Солнышко, «ласкового князя Владимира». Ибо князь Владимир оказался выразителем духовного состояния и преображения своего народа: *«Гостеприимный, общительный, веселый, несмотря на свои увлечения, насквозь проникнутый славянским благодушием, Великий Князь Владимир начинает чувствовать пустоту исповедуемого им язычества и стремление к чему-то новому, лучшему, способному удовлетворить душевную жажду, хотя для него и не ясную. На его зов стекаются миссионеры от разных религий; он свободно обсуживает, совещаясь со своими приближенными, излагаемые перед ним учения, посылает доверенных лиц исследовать характер этих религий на месте и, убедившись этим путём свободного исследования в превосходстве православия, принимает его. За ним, почти без сопротивления, принимает его весь русский народ. Процесс, который происходил в душе князя, был только повторением, более определённым и сознательным, того, что смутно передумала и прочувствовала вся тогдашняя Русь. Ибо этим только и можно объяснить отсутствие сопротивления столь коренному нововведению»* (Н. Я. Данилевский).

Христианство предлагало обуздание плоти, любовь, справедливость, сострадание. Князь Владимир после крещения выпустил свой великий «гарем», проявил себя как добрый и справедливый властитель. Он отменил смертную казнь, но вынужден был её вернуть по благословения священства, ибо в данном случае доброта оказалось во зло — послужила росту преступности. В правление Владимира на Руси распространяется грамотность. Некоторые реформы проводились вполне насильственно: *«Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились ещё они в вере и плакали о них как о мёртвых»*.

Учителями были византийцы, болгары, в том числе учившиеся на Афоне. Через поколение на Руси выросли замечательные мастера слова и знатоки литературы, такие, как митрополит Иларион. При Владимире начинается масштабное каменное строительство, заложено множество новых городов. Киевлян Владимир щедро угощал на пирах каждое воскресенье: *«И повелел снарядить телеги и, положив на них хлебы, мясо, рыбы, овощи различные, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной или нищий, не могущий ходить?” И тем раздавать все, что им нужно»*. Особое внимание оказывал дружине, с которой советовался о делах государственных и военных, ни в чём ей не отказывал: *«Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра»*. Предание о том, что ислам не был принят по определению князя: *«Руси есть веселие пити, не можем без того быти»* — свидетельствует не о распространении на Руси пьянства, а о невозможности отказаться от культа княжеского пира с дружиной. После тяжёлых походов, в которых жизнь и смерть зависели от преданности друг другу, князь на пиру выказывал любовь и доверие своим дружинникам, решая с ними государственные задачи.

Духовная жажда принудила русских людей обратить взор на православную религию: с одной стороны, новая вера и культура не требовали радикального разрушения традиционного порядка жизни, то есть изначально были глубинно родственны; с другой, новая вера задавала идеалы, которых уже взыскует народная душа. Более всего пленили славянскую душу христианская духовность, христианские добродетели и представления о прекрасном. Историки открывают всё более фактов близости ранней русской религиозности христианству, но сам факт невиданно гармоничного принятия христианства на Руси уже свидетельствует, что **русское язычество** — это своего рода **русский Старый Завет**: путь народа к истинному Богу.

Описание у Нестора-летописца знакомства княжеских посланников с византийской религиозностью преисполнено сильнейших чувств радости, ликования, восторга от встречи с невиданно прекрасным и возвышенным, но вместе с тем едино-природно притягательным: *«Они же были в восхищении, удивлялись и хвалили их службу...»* Они же сказали: *«Ходили-де к болгарам, смотрели, как они молятся в храме, т. е. в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как бешеный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их, и пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы; ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах; не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве»*. Больше всего народы разнятся ощущениями и чувствами: то, что для одних приятно и притягательно, для других от-вратно, для одних — сладко, для других — горько; то, что для одних возвышенно, для других — смрад великий. Знаменательно, что именно в греческом храме русские посланники испытали нравственный, эстетический и умственный восторг от встречи с подлинным Богом — уже опознанным, своим Богом, иначе откуда им судить, что есть красота и что пребывает там Бог с людьми. *«Здесь именно обнаружилось всего яснее какое-то внутреннее сродство между византийской сущностью и славянским духом — сродство достаточно сильное, чтобы притянуть последнего к первой»*, — заметил в XIX веке европейский исследователь Г. Рюккерт.

Об этом пишет и современный учёный И. Р. Шафаревич: *«Христианство было воспринято как нечто в своей основе близкое... Поражает, как ничтожны были трения, возникшие в связи с принятием*

христианства на Руси. Ведь нет же оснований считать наших предков какими-то пассивными, равнодушными людьми: насильственной христианизации они, вероятно, сопротивлялись бы восстаниями, как их потомки — разрушению церквей в советское время... А мы читаем о столкновениях в Новгороде, продолжавшихся три (!) дня. Или о столкновении княжеской власти со жречеством старой религии, произошедшем из-за того, что во время неурожая волхвы инициировали “охоту на ведьм”, вдохновляли убийства старух, по их мнению — виновниц неурожая. Летопись говорит и о случаях, когда “мужи княжьи” пытались защитить волхвов, сожжённых народом... Никакое призрачное описание не может скрыть крупного социального конфликта: оно будет его лишь по-своему истолковывать... Поразительно, что такой грандиозный духовный переворот не вызвал глубокого раскола в народе».

Племена Киевской Руси обрели общность и чувство исторического предназначения благодаря обращению в христианство. Крайние народы через христианизацию усваивали византийские и киевские культурные традиции. «Славянский язык становился общепринятым языком письменности и богослужения, постепенно вытесняя исконные финно-угорские языки с Русского Севера на окраины: на запад в Финляндию и Эстонию и на восток вдоль Волги — в Мордовию и к черемисам» (Д. Х. Биллингтон). При этом различные формы языческого мировоззрения по-разному, но вполне мирно соприкасались с христианством: «Многие верования, ритуалы, обычаи, связанные с язычеством, Церковь осуждала — но она их прощала. Другие же она восприняла как средства для выражения своих истин, как некий язык. Храмы часто воздвигались на месте языческих капищ — тем самым перенимая и какие-то их функции. Православные святые сливались с языческими божествами, занимая ту же “психологическую нишу” (Перун — Илья и Георгий, Велес — Влас и Николай и т. д.). В народе было, например, распространено покаяние Земле (за то, что её грудь рвали бороной) и исповедь Земле. Церковь осуждала исповедь Земле (в тех делах, исповедоваться в которых

надлежало духовнику; это было связано и с тем, что в некоторых ересях — жидовствующих, стригольников — исповедь Земле заменяла церковную). Но с другой стороны, Церковь принимала отношение к Земле как священному существу женского пола — мужчина, лежавший брюхом на земле (т. е. в непристойной позе), подлежал епитимье... Многие древние ритуалы органически вошли в церковную жизнь: окропление скотины Св. водой на Никольщину, молебны на поле. Большая часть ритуалов явно распадалась на две части — одна совершалась в церкви, другая имела более древний характер: венчание — свадьба, крещение — крестины, отпевание — поминки и т. д.» (И. Р. Шафаревич).

Народ входил в христианский космос, по бытовому располагая в нём вековые религиозные представления, привязанности, привычные ритуалы, годовые праздники. В народной религиозности языческая плоть вполне органично облекалась христианской духовностью, хотя и не без драматических коллизий. Буйный языческий темперамент подвергался суровому укрощению: святые аскеты Киево-Печерского монастыря замуровывали себя в пещерах, закапывали себя в землю, изнуряли себя голодом, истязали своё тело пытками во имя освобождения от телесных страстей и воспарения к Новому Небу — заоблачной выси христианской духовности. Всецелая любовь к новому духу диктовала радикальное отвержение, почти умерщвление тела в борьбе с плотскими страстями и стихиями. Но между **крайностями двоеверия и яростного аскетизма** формировались русская православная традиция **преображения плоти духом**, носителями которой и были святые на Руси. «Таким образом, в Великой Руси имело место не столько двоеверие, сколько постоянное проникновение первобытного анимизма в развивающуюся христианскую культуру. Анимистическое восприятие природы гармонично сочеталось с православным отношением к истории в весеннем празднике Пасхи, который вызывал особое воодушевление на Русском Севере» (Д. Х. Биллингтон).

В природе взаимодействия на Руси христианства и темпераментного языческого характера во многом кроется загадка

«бессловесных веков». Взаимопроникновение **природного гено-типа** и **культурного архетипа** проходило веками, в результате чего сложились и существовали параллельно две культуры. Христианская — **дневная культура** одаряла грандиозным духовным космосом христианского эллинизма, её носителями были церковные и светские образованные слои. Языческая — **ночная культура** долго сохранялась в простонародных слоях, сосуществуя с христианской, что не могло проходить без определённых противоречий.

«Язычество не отрицательная величина. Оно представляет собой определённую культурную ценность, которая с принятием христианства не обесценивается, а поднимается на высоту иного миропонимания. Есть такие слова в одном из псалмов: “Всякое дыхание да хвалит Господа...”. Языческое представление о “всяком дыхании” поднято здесь на недостижимую для язычества ступень... В крестьянской среде христианство распространилось очень быстро. И это невозможно было при помощи меча, но возможно при помощи самого язычества, которое христианизировалось и делало понятным христианство. Смерды видели в христианстве как бы продолжение своего язычества. Но открывались новые горизонты, и они эти горизонты готовы были принять» (Д. С. Лихачёв).

Ночная культура представляла собой смешение христианских представлений с преломленными через них языческими образами. В результате сложились некоторые специфические для Руси типические образы, которые считаются христианскими, но отсутствуют в других христианских конфессиях и даже в других православных культурах. *«Совместив хронологически многие языческие праздники с христианскими, народ перенёс веками складывавшиеся формы языческого культового действия, выражавшие какие-то глубинные сущностные архетипы народного сознания, на христианские праздники, наполнив их своим, славянским содержанием, которое теперь сохранялось практически только на уровне своеобразной обрядовой эстетики... Древние формы выражения*

ритуальной духовности представлялись не менее значимыми и органичными, чем формы православного культа, и на практике они объединялись в самых причудливых сочетаниях» (В. В. Бычков). Генетически русский характер склонен более к стихийному воображению, чем к рациональному осмыслению. Яркая, талантливая славянская душа наделена воображением, сильным эстетическим восприятием, мечтательностью, но ей мало свойственна интеллектуальная аскеза и дисциплина. *Дневная культура* — это культура духа, высокого ума. *Ночная культура* — это культура воображения, мечтания, это более душевная культура.

Веками *дневная культура* овладевала *ночной культурой*. Христианизация Руси проходила невероятно динамично: уже через сто лет в стране было большое количество храмов, христиански просвещённый ведущий слой. Но стихия языческой души — мифологических образов, языческих представлений о мире, воображения — одухотворялась и христианизировалась достаточно долго. В результате складывались разнообразные синкретические представления. Подобное было у всех народов, принявших христианство. Специфика русской христианизации в том, что языческие стихии не выжигались насильственно, как у европейских народов, а достаточно органично сосуществовали в преобразённом виде с христианским космосом. Многие бытовые христианские представления у русских имеют языческий источник, различные славянские племена вносили свою мифологию, поэтому достаточно разнятся религиозные обычаи в различных областях России. Так сложилась своеобразная — нерационалистическая цивилизация, отличающаяся от западноевропейской большей душевностью, а в сфере мысли — большей художественностью и образностью.

Христианское преобразование

Крещение в Православие славянских народов стало возможно благодаря просветителям — равноапостольным Кириллу и Мефодию, создавшим церковнославянский язык. Это явление уникально — на грани с чудом. При современных технологиях невозможно представить, как можно было создать и широко внедрить новую грамматику и язык за кратчайший срок. Но *невозможное человеку возможно Богу* — это было богочеловеческое деяние.

Чудесная провиденциальность этого явления сказывается и в том, что нецивилизованные племена получили совершенный язык и письменность, являющиеся носителями высоких духовных смыслов. Просветители тонко и деликатно сумели привить к неразвитым образам македонского наречия южнославянского языка высокие понятия и категории. Так, язычники-славяне имели представление о том, что жизнь человека кончается с его последним вздохом, когда исходит его дух. На обыденное представление «вздох — дух» органично насаждается высокое представление «дух — душа». Поэтому церковнославянский язык, оказавшийся вместилищем и носителем космоса античных и христианских смыслов, был органично воспринят восточными славянами как родной, и его освоение прошло за короткие сроки. Помимо этого, славянский язык по структуре, грамматике и принципам словообразования ближе к греческому, чем латинский. Высокая языковая культура Византии — культура христианского эллинизма — органично вошла в восточнославянскую почву. Церковнославянский язык стал одним из трёх — наряду с греческим и латинским — письменных и богослужебных языков средневекового христианства. Русский народ, в отличие от многих европейских народов, изначально получил возможность чтения Священного Писания на родном языке, что имело огромные последствия в формировании национального сознания: *«Если правда, что русский народ глубже принял в себя и вернее сохранил образ*

Христа, чем всякий другой народ... то, конечно, этим он прежде всего обязан славянскому Евангелию» (Г. П. Федотов).

Киевская Русь была одной из последних стран, принявших христианство от Византии, но это была самая крупная страна. Как правило, в Православие обращались народы, присоединяемые к империи, но Русь политически никогда не подчинялась Византии. В то же время культурное влияние Константинополя было большим, чем на некоторые имперские области. Крещение Руси произошло тогда, когда Византия переживала расцвет философской и богословской мысли. К этому времени закончились века богословских споров, в течение которых был разработан грандиозный объем богословско-философских категорий, понятий, представлений. Вместе со Священным Писанием Русь получила доступ и к духовному богатству христианства. *«Своя письменность позволила славянам перевести на родной язык книги, напитанные духом мудрости, содержащие сакральные истины, до того времени передававшиеся только на греческом, еврейском и латинском языках. Присоединение к ним ещё и славянского — а по агиографическому преданию славянские буквы “открыл” Константину Сам Бог — включало славян в их собственном представлении в группу избранных народов, которым доверена божественная мудрость. Теперь и они могли “досыти насладь” (досыта насладиться), по выражению агиографа, “медвеняа сладости словеса святых книг”» (В. В. Бычков).*

Князь Владимир строил прекрасные православные храмы, вводил великолепие византийских обрядов и служб. *«Христианство сделалось для святого Владимира источником духовного света, озарившего не только его сердце, но и ум. Любовь к “книжным словесам” и данный им наказ “примати нарочитое учади и даяти на учение книжное” священникам, которые должны были воспользоваться школою для утверждения новопросвещённых людей в вере, сделали его истинным отцом русского просвещения и родоначальником всей нашей духовной культуры, которая при самом своём зарождении была глубоко напоена духом Православия. Последнее оплодотворило самые её корни и не перестало питать во все последующие века» (митр. Анастасий Грибановский).*

Двуликий великий Платон

В жизни гения нередко противоположности сходятся и дополняют друг друга. Платон в «золотых диалогах», «Тимее», первых книгах «Государства» впервые открывает человечеству мир идей, «Благо» — Единое как наиболее явственное представление о Единобожии, первое в истории представление о вечной индивидуальной человеческой душе. Вместе с тем в «Государстве» и «Законах» Платон явился автором первой в мире коммунистической утопии. Оба полюса платоновских смыслов драматически и трагически пережиты в русской истории и культуре.

Идеализм сложился в дохристианском платонизме, и поэтому он не имел **специально** антихристианской направленности. Но в сфере христианской культуры становится очевидной его антиперсоналистическая направленность. Традиция идеализма заложена Платоном, гениальные прозрения которого повлияли на многие христианские представления. Но в его учении уже определилось умаление индивидуального, личностного бытия: *«Всё учение Платона об Эросе носит характер отвлечённый — отвлечения через восхождение по ступеням от мира чувственного, где даны живые существа, к миру идейному, где возможна лишь любовь к идее, к истине, к красоте, к высшему благу. Платон предлагает жертвовать любовью к живому существу, к личности во имя любви к идеям, к добру, к истине, к красоте. Эрос платонический не персоналистичен, не знает тайны личности и личной любви, он идеалистичен»* (Н. А. Бердяев). В системе идеалистической онтологии были сформулированы многие категории, вошедшие в сокровищницу христианского богословия. Но основной пафос платонизма — **тотальное подчинение всего сущего единому началу**. По отношению к *Вечносущему Единому* все индивидуальности преходящи, являются его отображениями, они предназначены рано или поздно слиться с *Единым*. Общеобязательное единство является законом для всех единичностей. Диалектика — это наука о разыскании единого принципа в каждой вещи.

В этой картине не остаётся места индивидуальному, личностному бытию: абсолютизм *Единого* лишает единичность, как основу персонификации, всяких субстанциальных оснований. Индивидуальность принадлежит здешнему, недолжному, призрачному миру и призвана к самоотрицанию во имя нивелирующего слияния с *Вечным Единым*, индивидуальная душа есть не что иное, как истечение универсальной *Мировой души*. В каждой области жизни нужно найти единое начало, чтобы всё подчинить ему. В области эстетического — это *Красота*, и всё индивидуально прекрасное — только её искажённые отблески. В области нравственной — *Благо само в себе*, в области познания — *Единая Истина*. Всё земное имеет прообраз на небе в виде идеи. Всякая верная мысль и нравственный поступок являются лишь тенью, отображением и смутным припоминанием их идеи, укоренённой в Едином. В социальной жизни наиболее общей и преобладающей над всеми другими является идея государства. Поэтому благу государства тотально подчиняется вся жизнь, перед ним лишается субстанциальных оснований человеческая индивидуальность. Людям в обществе ничто не может принадлежать, более того, они сами не принадлежат себе, ибо вся их жизнь должна быть подчинена служению идее общества и государства. Истинными людьми, людьми в полном смысле слова, являются мудрецы, которым открыто созерцание этой истины и которые поэтому должны быть правителями государства. Так родоначальник идеализма породил и первую **социальную утопию**, основанную на идеомании.

Так *Божественный Платон, христианин до Христа*, создавший систему категорий, которая была положена в основу христианского богословия, вместе с тем, был первым **идеоманом**, в том смысле, что он первый попал во власть своей главной идеи, крайне гипертрофированной и однобоко интерпретированной. С одной стороны, Платон — автор гибельной для человечества социальной утопии. С другой же, авторитет в христианской

культуре принципов **антиперсоналистического идеализма** способствовал ложной ориентации мысли. Когда духи социального небытия выплеснулись из утопии в реальность (коммунизм, социализм, фашизм), христианская цивилизация была внутренне ослаблена антиперсоналистическими тенденциями и не смогла противопоставить защитные ценности. Этот опыт показывает, каким образом умаление личностного начала разлагает божественную основу в человеке, культуре и перерастает в восстание на творение Божие и на Самого Творца.

Существование благородного и пошлого, незаметное перетекание высоких намерений в низменные результаты показательны для истории идеализма. Принципиальное зло антиперсоналистической направленности идеализма очевидно на примере генезиса немецкого идеализма. Культ общего и умаление индивидуального в немецкой классической философии подчиняли личность «абсолютам» всякого рода. Эта тенденция была доведена до **рафинированного** — утончённого, изощрённого **абсурда** у Гегеля: общее первично и абсолютно, индивидуальное же вторично и произвольно. *«Германская философия, с презрением устраняя всё имевшее сколько-нибудь характер случайности и относительности, схватилась бороться с самим абсолютным и, казалось, одолела его»* (Н. Я. Данилевский). *Абсолютный дух* заменяет Личного Бога и подавляет человеческую личность, является целью всякого развития, источником общеобязательного смысла, гармонии, закона и порядка. Авторитет **объективистской установки** оказался настолько велик, и она так глубоко внедрилась в немецкий дух, что всё последующее столетие немецкая мысль была захвачена поиском тотального идеала. Полемизирующие друг с другом философские, научные, общественно-политические течения были единодушны в том, что восприняли у Гегеля: индивидуальная жизнь привносит всяческую путаницу, бессмыслицу и произвол, она нуждается в муштре *всемирного духа*.

Младогегельянцы и Маркс, Шопенгауэр и Ницше, социалисты и Бисмарк — были в поисках единого и общеобязательного

идеала. Постепенно целая нация воспитывалась в убеждении, что в индивидуальном, личном — средоточие зла; потому необходимо преодолеть персоналистическое жизнеощущение и подчиниться «общему благу». Гитлер довёл до логического воплощения то, к чему, так или иначе, стремились **все**: и социалисты, и коммунисты, и нацисты, и либералы, и бюрократия, и буржуа, и Вермахт... Так **в одержимом влечении масс** к идеологическим фикциям отразился и **рафинированный идеализм** немецкой культуры. *Антиперсонализм немецкого идеализма* подготовил в культуре благоприятную атмосферу для рождения фашизма.

Николай Бердяев считал, что склонность немецкого мышления к тоталитаризму вполне оформилась ещё при Канте: *«Германский идеализм, в конце концов, и должен был на практике породить жажду мирового могущества и владычества, — от Канта идёт прямая линия к Крону... Германский дух созрел и внутренне приготовился, когда германская мысль и воля должны направиться на внешний мир, на его организацию и упорядочивание, на весь мир, который германцу представлялся беспорядочным и хаотическим. Воля к власти над миром родилась на духовной почве, она явилась результатом немецкого восприятия мира, как беспорядочного, а самого немца, как носителя порядка и организации. Кант построил духовные казармы. Современные немцы предпочитают строить казармы материальные. Немецкая гносеология есть такая же муштровка, как и немецкий империализм. Немец чувствует себя свободным лишь в казарме. На вольном воздухе он ощущает давление хаотической необходимости... Могущественная, угрожающая всему миру германская материя есть эмансипация германского духа»*. Это писалось в годы **Первой** мировой войны, когда немецкому тоталитаризму ещё только предстояло развернуться в нацизме.

Всё это дало повод выдающемуся богослову прот. Александру Меню резко характеризовать жизненную драму Платона: *«Когда читаешь “Законы”, начинает казаться, что страницы этой книги написаны маньяком, тяжелым душевнобольным, дошедшим на*

старости лет до полного маразма. Но даже усматривая в “Законах” явные черты умственного и душевного расстройства, нельзя только этим объяснять дух книги. Ещё работая над “Государством”, философ поддался искушению поставить во главу угла не человека, а строй, в “Законах” же он сознательно заключил сделку с Судьбой, всецело проникся презрением к личности, освятив насилие над человеческим духом... О том, что мрачная тень нависла над седой головой основателя Академии в последние годы его жизни, свидетельствуют разные предания. Говорят, Платон сделался в это время необычайно угрюмым, сгорбился и ходил, не поднимая головы. Никто не видел улыбки на его лице. Жизнь его была трагедией, и, как положено в трагедии, она окончилась гибелью героя. Но, в отличие от участи героев Софокла или Еврипида, то была не физическая гибель, а глубокое внутреннее крушение». Но всё же это был не весь Платон. Одно не исключает другого.

Русский неоплатонизм

Самосознание русского народа зачинается с крещения в Православие в 898 году. С духовным рождением молодой народ динамично осваивал древнюю мудрость, принятую от Византии: через два века Русь была православной страной, с грамотной аристократией, образованным духовенством, множеством храмов, преображённой нравственной и общественной жизнью. Национальное единство поддерживалось не только государственностью, а и Православием. Культура средневековой Руси явила образцы гениального творчества. Вместе с тем на Руси слабо развивалась богословская и философская мысль. Это дало основание некоторым исследователям характеризовать русское Средневековье как *бессловесные*, или *немые, века*, свидетельствующие о неспособности азиатского народа к высокой мысли — философии и богословию. Это мнение покоится на ряде предрассудков. В рационалистической европейской культуре мышлению как таковому полагается быть рационалистическим, что далеко от истины. Феномен *немых веков* отражает специфичность русской истории, культуры и национального характера. Для молодого народа, не приобщённого к древним культурным традициям, не имевшего письменности, требуются века для восприятия культурного пласта христианства. Западно-европейские народы пережили аналогичную эпоху *тёмных веков*. Русский народ прошёл ученичество быстрыми темпами. Сохранившиеся произведения представляют собой доли процентов от массива письменности домонгольской Руси. Можно только представить, сколько было уничтожено произведений, соизмеримых со «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Чтобы после смертоносного нашествия сохранить христианское мироощущение и развить его до христианского мировоззрения, народу понадобились века внутреннего созерцания, самоуглубления, самоанализа, размышления о бытии, выражаемые в доступных формах — искусстве и жизненном

укладе, — после чего оформилась философическая мысль. Все эти этапы подвигала присущая талантливому народу мощная интуиция бытия.

Распространено мнение, что Западная Европа — наследница античности, античного разума, философской мысли, Русь же не имела доступа к античному наследию, чем объясняется отсутствие в ней философской традиции. Наибольшее влияние на философское мышление христианских народов оказали традиции платонизма и аристотелизма. Платон и Аристотель явили различные методы философствования, которые оппонируют друг другу на протяжении многих веков. В постижении метафизической истины оба подхода взаимодополняют друг друга, развиваются и углубляются его последователями в диалектической полемике. Русская культура восприняла через Византию традицию христианского платонизма, что придало национальному духу определённое своеобразие.

Большинство диалогов Платона похожи на литературные, а не философские тексты. Форма диалога предоставляет возможность для диалектического столкновения мнений: кто-то рассказывает кому-то какую-то историю, либо пересказывает миф, либо рассуждает о чём-либо умственном, — например, о красоте самой по себе; затем участники могут подискуссировать. Диалоги близки к художественным произведениям, хотя Платон мог быть и рационалистом, как в диалогах «Теэтет» или «Софист». В художественности и образности его текстов сокрыто основное своеобразие платоновской методологии. В творчестве Платона сильны эротические и эросные энергии, акцентирующие и воссоединяющие противоположности мужского и женского, земного и небесного.

Сложные философские тексты, например Аристотеля или Гегеля, требуют для понимания нескольких прочтений, но когда смысл открывается сполна, понятие не требует дальнейшего углубления. Иная природа текстов в Библии. При первом

знакомстве открывается обширный пласт известных смыслов, ассоциаций, ибо библейскими образами пронизаны наша жизнь и культура. Последующее чтение открывает новые глубины, которые можно постигать всю жизнь. В бездонности — специфика **образного языка**, в отличие от рационалистического, способного выразить сложные, но не глубинные смыслы. Рациональное понятие ограничено, жёстко схватывает частный смысл, отрубая сопряженные смыслы. Поэтому, осознав его, дальше погружаться некуда. Острый луч рассудка может глубоко проникнуть в явление, при этом освещаются фрагменты, расчленяется живая ткань предмета, многое разрушается, теряется, а значит, не схватывается целостность, не воспринимается **жизненная органичность** явления.

Творческий метод Платона, помимо рационалистического категориального анализа включающий художественный образ, позволяет целостно созерцать предмет, не нарушая **живого единства разнообразия**. Образно-понятийное познание объединяет в себе разнообразные проявления человеческого духа, оно более органично, представляет собой творческое вживание в предмет, экзистенциальное сопереживание, целостное созерцание. Образ несёт больше информации, ибо содержит живое представление о бытии, позволяющее погружаться в него. Платоновский текст, подобно библейскому, открывается с начала, но возвращение к нему позволяет далее погружаться в более глубокие смыслы. Диалоги Платона задают параметры философствования, которые глубже и обширнее рационалистических. Для Платона в отличие от Аристотеля акт философского познания был прежде всего актом богопознания. Платона интересовал более всего вопрос главный: каково бытие Демиурга, кто есть Творец бытия, что происходит в акте творчества — творения? Основные его диалоги — вокруг этого, особенно диалог «Тимей» — самый глубокомысленный философский текст в европейской философии. Философия Платона онтологична по

предмету и экзистенциальна по форме. **Экзистенциальный онтологизм** ориентирован на созидание новых смыслов, для чего синтезирует широкий спектр средств: от рационалистической диалектики до художественных образов. Платон вывел из небытия в бытие грандиозное количество смыслов (мир идей, «Благо» — Единое как наиболее явственное представление о Единобожии, первое в истории представление о вечной индивидуальной человеческой душе), которые питают европейскую культуру до настоящего времени.

Философию Платона развивали платоники и неоплатоники. Платон стоит у истоков христианского богословия; отцы Церкви и богословы средних веков называли Платона **первым христианином до Христа, божественным Платоном**. Если Платона интересовали прежде всего вечные идеи как первоосновы бытия, то Аристотеля более всего — энтелехии явлений и предметов, его сознание менее универсально. Аристотель — яркий пример рационалистического познания. Его философию можно характеризовать как **рационалистическую метафизику**. Аристотель — гениальный философ, но он большей частью анализирует и систематизирует ту массу смыслов, которые вывел на свет Платон. Аристотель филигранно располагает их по «полочкам» и навешивает «ярлыки». Один подход не исключает другого, но понятно, какой приоритетнее в творчестве как созидании новизны. Каждый значительный философ и философская традиция в христианской культуре несут в себе начала Аристотеля и Платона. У кого-то доминирует **системно-рационалистическое**, у кого-то — **экзистенциально-онтологическое** осмысление мира. Западноевропейское философское умозрение склонно продолжать аристотелевскую традицию. Восточнохристианское — византийское, православно-славянское и русское — следует в русле платоновской традиции.

Платон оказал огромное влияние на патристику, которая была платонической и неоплатонической. Православное богословие и богослужение пронизаны образами христианского

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru